

Юрий КУДЛАЧ

ПРОМЕТЕЙ, МЕТРО И ШУРИК

Свободные вариации на полуантичную тему

1.

– Что?! Где?! Когда?! – доносился из-за неплотно прикрытой двери высокий, звонкий голос шефа. Буквой «р» он «пгенегегал». – Богобогец жёваный!

– Наш-то, наш! Бушует! Одно слово – громовержец, – одобрительно покачал головой Сила Ерофеич, – аки лев немецкий рыкает.

– Немейский, – поправил Влас Тимофеич.

– А? – икнул из кабинета шеф, несколько смягчая интонацию. – Так и скажи своему любимому гуководителю... Ну вот, ты всегда так, Пгометеюшка...

Сила Ерофеич ухмыльнулся и бесшумно затворил дверь, отрезав на полуслове шефскую речь. Вернулся в кресло, налил в блюдце чай, положил на язык маленький кусочек колотого сахара и, поднеся на вытянутых пальцах блюдце к губам, начал с присвистом, стоном и причмокиванием пить. При этом он жмурился, как кот на свечку, и утирал пот со лба вафельным полотенцем. Влас Тимофеич наблюдал за его действиями с некоторым презрением.

– Ну что, – спросил он, когда Сила прикончил четвёртое блюдце, – вприкуску чай пить будем до утра?

– А куда спешить? – перхая, просипел Сила. – Пока Зевес Кроныч с Прометеем разберётся, целая вечность пройдёт. А ты чего чай не пьёшь? Чай не пьёшь, откуда сила возьмётся?

– Мне б чего покрепче, – Влас Тимофеич достал из бокового кармана массивный золотой портсигар.

– А я вот не курю, – покосившись на портсигар, с некоторым вызовом сказал Сила Ерофеич, – пробовал трубочку, но говорят – трубка сушит.

– Бережёшь себя?

– Берегу. Аккумулирую. Поэтому и покрепче не держу. Это всё тебе можно, а нашему брату – зась!

– Почему это мне можно?

– Да по всему. История почти не знает исключений. Скромники, скопцы и моралисты, занимающие такое положение, как ты, встречаются крайне редко.

– Да? – с сомнением в голосе спросил Влас Тимофеевич и большим пальцем левой руки нажал на рубиновую пуговичку замка. Портсигар, нежно проиграв «Коль славен Господь во Сионе», выпустил из своих золотых недр изящную сигаретку. Вслед за ней в ловких пальцах Власа завертелся «Zippo» с изображением грузинского профиля горного орла. Последовал мягкий, очень приятный слуху металлический щелчок, и в приёмной запахло вишнёвым садом.

– Кстати, вчера Раневская заходила, – промолвил Сила, принохиваясь. Он накрыл пустой стакан перевёрнутым блюдцем и, пристраивая на нём маленький кусочек недососанного рафинада, добавил: – Аполлона разыскивала, покровителя своего.

– Какого Аполлона? – подозрительно спросил Влас. – Нашего? Бельведерского?

– Мурзавецкого, – отозвался Сила Ерофеич и, поковыряв мизинцем в ухе, начал внимательно рассматривать результат раскопок.

– А Персефона говорит, что у них там с серой проблемы, – едва заметно улыбнулся Влас.

– Много Персефона знает, – хмуро сказал Сила и обтёр палец об штаны, – пусть лучше за своим носом последит. А то как Аида там появилась, так у Аида косоглазие сделалось.

– Ты бы, Сила Ерофеич, за своим языком последил: Аид – мужик серьёзный. И между прочим шефу родственник.

– И на серьёзных управа находится. Вон вчера в кафе «Де ля Пэ» Жак Оффенбах про Орфея рассказывал... Да ты должен его знать – он ещё в Грузию за какой-то дохой ездил.

– Помню, как же! Он там на судне соловьём заливался. Мне Ясон доложил: пел, говорит, как Козловский. А может быть, ещё нежней. Иван Семёныч от зависти чуть богу душу не отдал.

– Какому богу? – подозрительно спросил Сила.

– Известно какому – Аиду. – Влас посуровел лицом. – Ты что, порядков не знаешь?

– А-а-а, – удовлетворённо протянул Сила, откидываясь в кресле, – тогда правильно! Ну вот. Истосковался он, значит, по бабе по своей, потому что она из дому вышла и как сквозь землю провалилась. Орфей Эагрыч всех знакомых обзвонил – результат нулевой. Он в милицию ринулся – так, мол, и так, может, по пьяному делу бабу мою Эвридику Ниловну замели. Оттуда его сразу попёрли: делать нам, говорят, не хрен, только с бабой твоей возиться. У нас, говорят, «висяков» сорок процентов, да мафия одолевает, да лодка, блин, на дно легла, да башня загорелась, да в Беслане полный беспредел, да в переходе взорвалось, да в театре народу полегло видимо-невидимо, да крыша рынка обрушилась, да битюга в Трою транспортировать-сопровождать, а ты тут с бабой со своей. Иди, мол, отсюда лесом! Он – в больницу: может авария какая, под колесницу попала или ещё чего. Нет, отвечают, чего нет – того нет. Можем фараона предложить, что с недостроенной пирамиды упал, пальчик оцарапал. Ну, Орфея предложение не заинтересовало – фараонов он с детства недолюбливал. Поэтому он в морг побежал. Опа, говорят морговики, опа! Была у нас такая, видели её – вон там под простынёй на кушетке отдыхала. Орфей так расстроился, что на минуту даже петь перестал. И тут же нашему шефу заявление на стол – бряк! Отпустите, дескать, супругу мою, а то дома сплошное nepотpeбcтвo – в холодильнике пусто, на кухне грязь. Наш подумал и резолюцию наложил: отпустить, дескать, и никаких гвоздей. А мне сказал: нету у меня второго такого. Золотой, сказал, голос Древней Греции. И на родственников своих, которые другим ведомством заведуют, болт с Балтийского завода зoбил. Вот, брат, – выходит, что и на крутых управа есть. Потому что всегда найдётся кто-то, кто ещё круче.

– Так что, – Влас сделал последнюю затяжку и принялся уминать окурком нефритовую пепельницу, – у Орфея твоего, Эагрыча, на кухне вновь ажур?

Сила Ерофеич встал и подошёл к окну.

– Гляди-ка, – сказал он, – Шурик опять бежит... А ажуря никакого не вышло: Орфей не вовремя стишок один вспомнил – что-то про остановиться, оглянуться. Помолчали.

– Слушай, – сказал Влас, – давай коньячку хорошего изопьём. Армянского. Я позвоню – Ной из Арарата сам принесёт.

– Давай, – согласился Сила. – Шесть капель. Но только по-быстрому, а то мне уже скоро бежать: жена моя билеты на концерт достала.

- На какой? – Влас потянулся к телефону.
- Да виолончелист, японец какой-то... Ё-моё зовут.
- Йо Йо Ма, – поправил Влас.

Обитая дермантином дверь в кабинет распахнулась, и оттуда решительно вышел высокий, широкоплечий кудрявый мужчина в фотохромных очках. Дойдя до середины приёмной, он обернулся и тихо сказал в раскрытую дверь:

– На меня, Зевес Кронович, кричать не надо. Вот на них, – он указал пальцем на застывших в своих креслах обоих помощников, – сколько вашей душе угодно. Потому что у меня...

Он прервался на минуту, бросил косой взгляд на Силу и Власа, потом махнул рукой – «а, свои, мол!» и закончил:

– ... потому что у меня на всех материалец имеется.

– Ну Пгометеюшка, – примирительно засвистал Зевес Кронович, фотографически проявляясь в приёмной, – ну так тоже нельзя: гкичите-не гкичите, гычите-не гычите. Я же почему так волнуюсь? Я ж как гуководитель за всё в ответе. С меня же спгосят.

– Кто спросит? – Прометей иронически скривил рот.

– То не нашего с тобой ума дело. Вгемя подойдёт – найдётся, кому спгосить. Могут и уважаемые потомки, гоась в сегодняшнем окаменевшем говне, спгосить. Так что ты пгикурить-то давай – это не запгещено, а спички или зажигалку пги себе дегжи. Им ведь стоит только начать – спалят всю контогу к чётговой матери! Обещаешь?

Прометей неопределённо хмыкнул и вышел из приёмной.

Шеф развернулся на сто восемьдесят.

– А вы, бездельники, чего гасселись? – гаркнул он, тараща глаза и опасно багровея. – Где Гегакл и Хигон?!

– Геракл у Авгия, – спокойно ответил Влас Тимофеич и вновь потянулся за портсигаром.

– И Хирон с ним, – обиженно добавил Сила.

Дверь из коридора приотворилась, и в образовавшейся щели возникла аккуратно причёсанная на косой пробор голова.

– Здрассьте, – вежливо сказала голова, – Прометея не слышали?

Зевес Кронович исподлобья мрачно взглянул на голову и скрылся в кабинете, изо всей силы шваркнув дверь.

– Иди отсюда, Шурик! Не до тебя сейчас, – сквозь зубы процедил Влас Тимофеич, выковыривая из вновь появившегося на свет портсигара очередную сигаретку.

– Вам, Влас Тимофеевич, всегда не до искусства, – с петушиным вызовом воскликнул Шурик, исчезая.

– История нас рассудит, – донёсся его голос из коридора.

– Вот нахал! – сказал Сила. – От горшка два вершка, а туда же: музыка сфер, слышу Космос! Если шеф узнает, живо ему башку отобьёт.

– А тебе не всё равно? – лениво спросил Влас Тимофеич, наблюдая за поднимающимся к потолку голубоватым дымком.

– И то! – согласился Сила. – Что мне Гекуба, на фиг мне она, как говорит Приап.

– Приам, – поправил Влас.

2.

Поезд, плавно притормозив, остановился на станции. В открывшийся со змеиным шипением дверной шлюз рванулась человеческая струя. Евдокимову и Кацу не пришлось даже ногами шевелить – их внесли и поставили в углу.

«Осторожно! Двери закрываются! Следующая станция – Лиговский проспект», – с выражением сказал тембристый баритон, и двери действительно соединились, мягким резиновым ударом поставив точку в конце предложения.

– Знаете, – сказал Евдокимов своему приятелю Кацу – спортивного вида мужчине лет сорока, – всякий раз, когда я слышу этого подземного Левитана, вспоминаю анекдот про Копенгаген.

– Не понял, – Кац покосился на собеседника.

Евдокимов принялся рассказывать старый анекдот про угон поезда метро. Посмеялись. Кац, не желая оставаться должником, тоже рассказал какую-то смешную историю. В вагоне было тесно. Они стояли, прижатые друг к другу вечерней толпой, и перебрасывались шуточками. Всё шло отлично, зарплата – целых девятнадцать долларов, полученная сегодня после трёхмесячного перерыва, оттопыривала карманы. Даже давка в метро настроения не портила.

Среди вошедших пассажиров оказался здоровущий, заросший до самых глаз чёрной бородой детина. Заметив Прометей, детина с лёгкостью отодвинул Евдокимова с Кацем, прошёл сквозь упругую толпу и, доброжелательно глядя с высоты своего почти двухметрового роста на сидевших Прометей и Шурика, пророкотал октавным басом:

– Здорово, орлы!

– Привет, – сказал Прометей, – но учти: упоминание об этой птице мне почему-то неприятно. Знакомься, Шурик: Улисс – предводитель дохлых крыс.

Бородач добродушно ухмыльнулся.

Шурик протянул руку и ощутил, как все его пять пальцев обволокла гигантская горячая ладонь.

– Очень приятно! Одиссей, – пророкотал детина, осторожно потряхивая Шурикову руку.

– И мне приятно. Шурик. – Ответил Шурик.

– Симпатичный у тебя приятель, – сказал Одиссей Прометею, – у меня на хороших людей глаз. Молодой ещё, но зуб даю, что из него толк выйдет. Ты, Шура, чем занимаешься?

– Музыку сочиняет, – ответил за Шурика Прометей, – говорит, что сфер.

– Молодец! – Одиссей с восхищением посмотрел на Шурика. – Не то, что мой оболтус – целыми днями мой лук натягивает. Куда ему! Кишка тонка. Вот дед его – мой папаша Лаэрт – вот кто был силач!

– Да только сила не помогла – техники не хватило: убил его Гамлет, – помолчав, с грустью добавил он. – Никогда ему не прощу! Да и Шекспиру тоже. Нашёлся, понимаешь, щелкопёр, бумагомарака, в трагедию папу вставил. Разнёс по всему свету историю. Теперь людям в глаза стыдно смотреть.

– Ну ладно, – примирительно пробурчал Прометей, – не расстраивайся! Уж сколько лет с тех пор прошло.

Одиссей шумно, как жеребец, вздохнул и, вдруг улыбнувшись, спросил:

– А вы куда это, ребята, собрались?

– Кто куда, а я в сберкассу, – сказал Прометей. – Может, какие-то деньжата там остались. Сейчас они очень пригодились бы: меня шеф на Кавказ в ссылку отправить хочет. Как Лермонтова.

– Под пулю чеченскую? – ахнул Одиссей.

– Хуже! Хочет, чтобы меня там заклевали совсем.

– А ехать обязательно? – робко спросил Шурик.

– Ничего не напишешь – старший приказал! Гефест звонил (он вчера специальный колокол отлил), за меня просил, но тот упёрся, как бык в Европу.

«Станция Пушкинская», – провозгласил ликующий голос.

– Ну, я пошёл, – заторопился чернобородый Одиссей, – а ты всё-таки подумай, прежде чем печень подставлять.

Он рванулся к выходу, и Шурик, которому Одиссей очень понравился, только успел прошептать:

– Ты куда, Одиссей?..

«Осторожно! Двери закрываются! Следующая станция – Берлин, Цоо».

– Что-что? – переспросил Кац. – Какая следующая?

Они с Евдокимовым посмотрели друг на друга и расхохотались. Прометей думал о Кавказе, Шурик – о космосе. Они ничего не слышали.

– Бе... ха-ха-ха... бе...ха-ха... Бер...лин, – сквозь хохот едва выговорил Евдокимов, – ох ты, Господи!.. Нет, наша администрация совершенно с этим Европейским союзом обалдела. Это же надо такое придумать: Берлин в Питере. Прислышится же такое! Совершенно фрейдистская слуховая галлюцинация.

– Да-а, – сказал Евдокимов, утирая слёзы, – вот, оказывается, как рождаются анекдоты!

– Извините! – кто-то мягко ткнул Каца в спину, – вы в Берлине выходите?

Кац, по инерции продолжая смеяться, обернулся. Пожилая женщина смотрела на него большими, тёмными, грустными глазами.

– Видите ли, мадам, – саркастически сказал Кац, – мы, э-э-э, приезжие. Не подскажете ли, какая следующая после Берлина. Чтобы мы, так с-с-сать, сориентировались на местности. Уж не Париж ли часом?

Он подмигнул Евдокимову и широко разинул рот, приготовившись исторгнуть очередную порцию здорового хохота.

– Да что вы! – сказала женщина с укоризной. – Тель-Авив.

Кац звонко клацнул челюстью.

– Так вы в Берлине выходите или нет? – строго спросила тёмноглазая.

Тем временем поезд, замедлив ход, втянулся на станцию. Мелькнули странные слова «ZOO» и «Bahnhof».

– Ущипните меня, – сказал Кац, – мы и впрямь в Берлине.

Большая часть пассажиров, ничуть не удивившись, вышла из вагона. Ошеломлённые приятели в нерешительности уселись на освободившиеся места. Прошло две минуты, затем ещё пять, и хотя на платформе народу было много, в вагон никто не входил. А поезд стоял, будто ждал кого-то.

– Вот это да-а-а, – протянул Евдокимов, – а что я маме скажу?

– Скажете, что поехали в Берлин обмыть получку. Если, конечно, вам с мамой ещё свидеться придётся, – озираясь по сторонам, вполголоса добавил Кац.

Евдокимов обескураженно помотал головой, постучал себя ладонями по бокам и, сказав «что ж – обмывать, так обмывать», вытащил из внутреннего кармана поношенного пальто бутылку старки.

– Послушайте, – сказал Кац, – вон ещё двое сидят. Может, им предложим?

– Да они спят, – взглянув на Шурика с Прометеем, ответил Евдокимов и извлёк из другого кармана два пластмассовых складывающихся стаканчика. Привычным движением встряхнув их, раскрыл, сунул один в руку Каца, споро вскрыл флакон, и не успел Кац и слова промолвить, как обнаружил в правой руке тёплую водку, а в левой – неведомо откуда появившийся сырок «Кисломолочный».

– Предлагаю тост «За взятие Берлина», – в быстром темпе сказал Евдокимов и отточенным движением вбросил водку прямо в горло, минуя полость рта.

– Ну что, Витя, – спросил Кац, не менее ловко произведя аналогичное действие, – выходить будем? Похоже, это нас ждут.

Уютная теплота наполнила грудную клетку Евдокимова. Стало очень хорошо. А когда выпили по второй, стало вообще замечательно. Из вагона выходить совсем не хотелось. Тем более в Берлине. Тащиться куда-то в неизвестность, а погода тут наверняка дрянь – сплошная слякоть: Гольфстрим не за горами. Прислушиваясь к спокойному дыханию спящей неподалёку пары, Евдокимов поёрзал, устраиваясь поудобнее на кожаном диване.

- Послушайте, Толя, – сказал он, – ну вам-то – прямая дорога в Тель-Авив – вы ведь еврей. А мне...
- Кто еврей? – строго спросил Кац. – Я? Ошибаетесь, мой друг. Точно так же как и многие другие, введённые в заблуждение моей предательской фамилией.
- А кто же вы?
- Я казак!
- Каким ты-ы был... – тут же пропел Евдокимов. – Казак-то кубанский?
- Донской, – пояснил Кац.
- Это как?
- А очень просто: мама моя Анна Семёновна Иванова – донская казачка. А дед – её отец – был атаманом.
- Так вы Иванов по матери? – ухмыльнулся Евдокимов.
- По матери. Ещё по какой матери, – строго сказал Кац. – Она у меня была женщина суровая.
- Забавно. Столько лет дружим, а вы ничего такого не рассказывали.
- Случай не представился.
- Поезд, как бы не зная, что предпринять, продолжал в нерешительности стоять. По платформе сновали странно одетые люди – какие-то джентльмены в длинных тёмных пальто колокольчиком, из-под воротников которых виднелись пёстрые бабочки; панки с ирокезами; стриженные налысо девушки в мужских куртках и огромных ботинках, отчего их ноги казались высеченными из двух кусков грязного гранита; молодые существа неизвестного пола; иногда с дикими воплями пробегали ватаги школьников, от которых шарахались взрослые; восточные женщины, упакованные, как сельди, в блестящие обёртки, – лица некоторых были закрыты чадрой; звенящие цепями подростки в широченных джинсах с болтающейся ниже колен мотнёй. Почти у всех за плечами висели рюкзаки, точно всё население Берлина собралось в поход.
- Между прочим, – сказал Евдокимов, наливая по третьей, – раз уж пошла такая пьянка, признаюсь вам, как родному... Только сначала выпьем. Будем здоровы!
- Бум-бум-бум! – живо отозвался Кац. – А закусывать чем?
- Чувствовалось, что его начинала веселить эта ситуация.
- Мануфактурой.
- Водка, произведя приятное впечатление на организмы, ухнула вниз.
- Ну? – спросил Кац.
- Только вы никому не говорите, – потребовал Евдокимов.
- Вот сейчас пойду разбужу тех двоих и всё им выложу как на духу.
- Дело в том, что я... – Евдокимов помолчал, как человек, собирающий всё мужество перед прыжком в холодную воду и к тому же не знающий глубины, – еврей.
- Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – ахнул Кац.
- То-то и оно, что бабушка! – с тоской сказал Евдокимов. – Бабушка моя, мамина мама, была Фиш. Вот и получается, что по вашим еврейским законам я чистый еврей.
- Так значит вы Фиш?! – Иванов по матери раскатисто расхохотался. – Вот уж никогда бы не подумал. А почему же вы никогда мне об этом не рассказывали? Небось чуяли, что мы, казаки, вашего брата на дух не переносим.
- Случай не представился, – пояснил Фиш.
- Ну что ж, раз такое дело, значит вместо станции “Разлив“ мы поедем в Тель-Авив!
- Подождите, – сказал Евдокимов, – у меня есть другая идея. Сейчас мы с вами выходим из вагона, пересекаем перрон и садимся в поезд, идущий в обратном направлении. В худшем случае мы попадём на другую станцию берлинского метро. Какая уж нам теперь разница? Но не исключено, что мы вернёмся назад.

– А если... – нерешительно замямлил Кац.

В это время в открытую дверь сунулась голова в форменной фуражке.

– Na? Was ist? – мрачно спросила голова. – Machen sie Mittagspause, oder?¹

Друзья ничего не поняли, но молча встали и пошли к выходу. Едва они ступили на платформу, как вослед им прозвучал левитанов баритон: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – “Тель-Авив”». И точно – дверь тотчас закрылась, и поезд, ревя и быстро набирая скорость, исчез в тёмном туннеле.

– Вот это номер! – сказал обалдевший Кац. – Ну что ж, раз Рубикон перейдён – только вперёд! Может быть, попадём назад.

Евдокимов потянул ноздрями воздух.

– Даже пахнет не по-нашему. Хотя, в общем, приятно пахнет. Послушайте. У нас с вами на двоих сто восемьдесят долларов. На эти деньги можно здесь неплохо погулять. А там видно будет.

– Да-а, – с сожалением покачал головой Кац, – сразу видно, что никакой вы не Фиш. Этих денег здесь даже на один приличный обед не хватит. Не говоря уже о том, что совершенно непонятно, что делать дальше.

Они протискивались сквозь толпу, и Кацу пришлось даже пару раз сказать «пардон», где русский «н», как «п» французский, он произносил сильно в нос.

– Где это вы так по-французски наблатыкались, – подозрительно спросил Евдокимов.

– В детстве няня француженка была.

Евдокимов открыл было рот, но в это время к платформе подкатил поезд, двери вагона, остановившегося перед нашими приятелями, гостеприимно распахнулись и выпустили троих пассажиров. Больше в вагоне никого не было.

– По-моему, – сказал Кац, – мы с вами промахнулись – поезд-то явно не наш. Смотрите: вагоны жёлтые и синие.

– ... В зелёных плакали и пели, – задумчиво произнёс Евдокимов.

– Ну что? – колеблясь, глубоким басом спросил Кац. – Войти, аль нет?

– Рискнём, – вздохнул Евдокимов.

Они вошли и замерли у двери, по обоюдному молчаливому сговору готовые в случае чего силком эти двери разомкнуть и выпрыгнуть на ходу.

Но едва они вошли, как из динамика раздался хорошо знакомый металлический голос: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция “Площадь Восстания”. Переход на Невско-Василеостровскую линию».

– Ха! – торжествующе выдохнул Евдокимов. – Считайте, что я вам ничего не говорил. И никакой бабушки у меня не было.

Ничего на это не ответил Кац. А только сказал:

– Зато моя мама, Анна Семёновна Иванова, была. И прошу вас об этом не забывать.

Поезд с воем втянулся в туннель и, лихо постукивая на стрелках, помчался назад, в родной Ленинград. Минут через пять он стал замедлять ход, и друзья, из дальних странствий воротясь, прильнули к окнам, желая насладиться знакомым пейзажем станции «Площадь Восстания». А поезд шёл всё медленнее и медленнее, потом же и вовсе остановился. Так прошло двадцать минут, затем ещё десять. Друзья попытались разомкнуть двери, но безуспешно. Впав в беспокойство, они начали стучать в стенки вагона, зачем-то дёрнули стоп-кран, который с подозрительной лёгкостью сломался, оставшись в руках Евдокимова. Евдокимов попытался пристроить кран на место, но, разумеется, из этого ничего не вышло. Отчаявшись, они начали кричать, и поезд, как бы сжалившись над ними, мягко тронулся с места и медленно пошёл.

¹ Ну что? У вас обеденный перерыв? (нем.)

– Слава богу! – сказал Иванов-Кац Фишу-Евдокимову, – а то у меня уже всякие, знаете ли, мыслишки зашевелились.

– Наверное, неисправность на линии, – успокаивая больше себя, ответил Евдокимов.

И в этот момент погас свет. В кромешной тьме поезд приближался к обещанной площади Восстания. Вдали послышался паровозный гудок.

– Вы слышали? – тихо спросил Евдокимов.

– Что именно? – не понял Кац.

– Паровоз.

– Ну и что? Здесь же Московский вокзал рядом.

– Но-о-о... – засомневался Евдокимов, – сколько я по этой линии ездил, не припомню, чтобы какие-то звуки с поверхности сюда проникали.

– А может, вам послышалось, – пожал плечами Кац.

– Но ведь и вам послышалось!

Против этого факта аргументов Кац не нашёл.

Тем временем поезд окончательно замедлил ход и остановился. На этот раз, как надеялись друзья, уже на самой станции. Но двери всё не открывались, и напрасно Евдокимов с Кацем вглядывались в тёмные окна – разглядеть всё равно ничего нельзя было. Особенно настораживала тишина на платформе. Создавалось впечатление, что они прибыли в гости к самому Аиду.

– Смотрите, смотрите! – воскликнул Кац, тыча пальцем в тёмное стекло.

Евдокимов посмотрел и увидел слабый, раскачивающийся свет.

Потом они услышали тяжёлые шаги и какое-то звяканье, точно идущие во тьме несли корзину с металлической посудой. Две тени появились у вагонной двери, хрустнул открываемый снаружи замок, дверь отворилась, и в вагон вплыл керосиновый фонарь. А вместе с ним – удушливый запах чеснока, самогона, какой-то овчинный, спёртый дух, аромат потных ног и немых тел. Вглядевшись в неверный свет фонаря, друзья увидели и хозяев этих богатств: серого солдата в папахе и перетянутого крест-накрест пулемётными лентами совершенно опереточного матросика в лихо заломленной на затылок бескозырке.

– Та-ак! – весело сказал матросик, скашивая глаза на модельные туфли Евдокимова. – Буржуи недорезанные. За границу собрались? А может на Дон, к Каледину?

– Вы о чём, господа? – побелевшими губами спросил Евдокимов. – К ка-какому Ка-ка-ледину?

– Господа нынче все в Париже, – проскрежетал солдат и, сняв с плеча трёхлинейку, передёрнул затвор.

– А вот мы вас сейчас к стенке поставим, – ласково пообещал матросик, – и попадёте вы, господа хорошие, прямоком в штаб Духонина.

– Гы! – ощерился солдат, точно услышал новую остроту. – А они к Каледину хотят.

– Подождите, – вступил в разговор до сих пор молчавший Кац, – что у вас тут происходит. Это площадь Восстания?

– «Восстания, восстания», – передразнил Каца солдат, – не восстания, а Великой Октябрьской социалистической революции! Выходи по одному.

– А ну, скидывай штиблеты! – резко меняя тональность, приказал матрос, – а то у нас братва босиком по насту...

Евдокимов рухнул на сиденье и трясущимися руками стал развязывать шнурки туфель.

– Братки, – спокойно спросил Кац, – а вы откуда?

Матрос вытащил из деревянной кобуры здоровенный маузер и, показав его Кацу, гордо ответил:

– Мы из Кронштадта!

Тут Кац сделал какое-то странное движение, двумя руками схватил матроса за руку с маузером, слегка присел, повернулся вокруг своей оси и... матрос, нелепо подпрыгнув, мелькнул в воздухе ногами в невероятных клёшах, а затем всем телом плашмя грохнулся на пол. Где и остался лежать, разинув рот и бессмысленно сверкая золотым зубом.

– Ты чего... ты что?.. забормотал солдат, поражённый этим зрелищем. И тут же получил здоровенный удар открытой ладонью по носу, отчего кровяца хлынула двумя потоками прямо на его шинель, заставив забыть обо всём, кроме самого себя.

– Ну! – сказал Кац. – А вы чего тут расселись? Древней трёхлинейки испугались? И вообще... нашли время переобуться. Пошли!

Они выскочили на перрон и побежали, сами не зная, куда.

– Что это было? – на бегу спросил поражённый Евдокимов.

– Айкидо, – лаконично ответил Кац.

– А вы никогда не рассказывали, что владеете айкидо.

– Случай не представился.

Евдокимов помолчал минуту и сказал:

– Теперь видно, что никакой вы не Кац.

Они остановились у входа в туннель.

– Наверное, придётся пешочком, – сказал взявший на себя инициативу Кац, – я подозреваю, что эти двое сменяли паровоз на махорку.

– Чёрт возьми, – заметил ещё не пришедший в себя от пережитого Евдокимов, – они ведь могли нас запросто прикончить.

– Ну а тем, кому выпало жить, – прыгнул с платформы на рельсы Кац, – надо помнить о них (он указал большим пальцем через плечо)...

– ... и дружить! – механически закончил Евдокимов.

И они, подворачивая ноги и спотыкаясь, неуклюже побежали по шпалам.

– Увидим ли мы когда-нибудь свет в конце туннеля? – задыхаясь от непривычной нагрузки, риторически вопрошал время от времени Евдокимов Иванова по матери.

– Это прерогатива умерших, а мы с вами пока что числимся по спискам живых, – отвечал на это всесторонне образованный Кац.

– Подождите! – Евдокимов остановился. – Тут какая-то лестница. Давайте подниматься. Хватит блуждать в потёмках! Мы должны подняться. Весь мир смотрит на нас со страхом и надеждой.

– Да? – выражая голосом сомнение, пощупал металлические поручни Кац. – Ну что ж, попробуем. Но только я ни за что не отвечаю. Пошли!

Он решительно поставил ногу на первую шаткую ступеньку и начал подниматься по крутой, уходящей в темноту лестнице. Евдокимов, пыхтя и чертыхаясь, полез следом. Минут через пять они услышали какие-то глухие, нечленораздельные звуки, сопровождаемые уханьем, похожим на отдалённый бой барабана. Постепенно, по мере приближения, звуки эти начали оформляться в невнятную музыку, а затем сквозь неё стали пробиваться отдельные слова: «...в своих свершениях... нам ли стоять на месте?..»

– Они правы, – сказал Евдокимов остановившемуся в нерешительности Кацу, – нам нельзя стоять на месте. Вперёд!

Музыка становилась всё более различимой.

«Нам нет преград!» – звенел молодой, наглый голос – «ни в море, ни на суше!!!»

Подстёгиваемые этими нахальными заявлениями, друзья из последних сил карабкались вверх. Они уже слышали топот и шарканье тысяч ног, какие-то возгласы, крики, грянуло всё перекрывающее громовое «ура!!!» А потом вдруг внезапно всё стихло – будто в их головах лопнул воздушный шарик. И в это мгновение Кац

и Евдокимов наконец увидели долгожданный свет в конце туннеля: голубое небо, забранное решёткой.

3.

В приёмной было многолюдно.

Эрот с Гименеем, треща крыльями и потихоньку переругиваясь, пристраивали в простенок между окнами афишу лекции «Гигиена брака». За этой процедурой с удовольствием наблюдал Данай, радостно гогоча каждый раз, когда Эрот плечом закрывал первый слог. Его дочери стрекотали, обсуждая туники от Версаче и переливая из пустого в порожнее.

Агамемнон громко ругал Ахилла, употребляя непарламентские выражения.

Брякая щитами, толпились воины Кадма. Изящные амазонки сидели на корточках и, косясь на табличку «Курить и плевать на пол запрещается», курили махорку и сплёвывали меж круглых колен на пол.

Пятнадцать спартанцев окружили Силу Ерофеича и вполголоса его в чём-то убеждали. Изредка оттуда доносились его вскрики: «Знатоки! Убивать надо...», «Селекция...», «Здоровее будете!», «А со скалы пробовали?» Остальные двести восемьдесят пять воинов терпеливо ожидали во дворе.

Фемида, мать Прометея, болезненно морщилась от шума, ежеминутно поправляя чёрную повязку, сползающую на глаза.

Из кабинета высунулся шеф. Бешено вращая круглыми глазами, он заорал:

– Что тут за махновщина?! Где Нестог? Где этот летописец хгенов?! Ко мне его!

– Это, Зевес Кронович, никак невозможно, – вежливо сказал Влас, аккуратно разрезая швейцарским офицерским ножиком яблоко Гесперид, – Нестор в Троию укатил. Так и катит сейчас в пыли, так и катит.

Шеф с грохотом захлопнул дверь.

На гнупом венском стуле у стены сидела женщина, красоту которой слегка портили тонкие губы. Рядом, держа на коленях огромный чемодан, сидел её муж Эпиметей.

– А где это ты вчера шлялся до трёх ночи, а? – шипела Пандора, ухитряясь в то же время строить глазки Агамемнону.

– Любопытной Варваре нос оторвали, – меланхолично отвечал Эпиметей, выбивая дробь на чемодане.

– В двенадцать ночи – звонок, – продолжала раскаляться Пандора, – я трубку сняла, а там дышат и молчат. Кто это тебе звонит по ночам?

– Кто, кто... Альфред Корто!

Держа на плечах огромного кабана, вошёл потный Геракл.

– Ага, – злорадно сказал Сила, – на правёж призвали?

Геракл угрюмо сопел.

– А ты не хулигань, живи по понятиям, – Сила, оглядев Геракла, украдкой потрогал свой тощий бицепс, – никакого сладу с тобой нет. Треножник у дельфийского оракула спёр. На хрен тебе треножник, я тебя спрашиваю?! Ты что, фотограф?

Геракл переминался с ноги на ногу и молчал.

– Вор, а ещё на мокрое пошёл! стыдно перед коллегами! Ты за что Эвнома замочил, придурок?

– Так он, ета... воду пролил, – загудел Геракл, – а у нас, ета... воду отключили, ну я и... ета...

– Кабана вот в присутствии припёр. Теперь будет вонять тут, как в свинарнике.

Геракл, придерживая ручищами кабана за все четыре ноги, открыл было рот, но Сила не собирался выслушивать его объяснения.

- Знаю, что эриванский. Так что, ты к шефу так с кабаном и вопрёшься?
- Эриманфский, – поправил Влас, чистя ногти маленькой щёткой.
- Увидев, что рядом с Фемидой освободился стул, Пандора пересела поближе к свекрови.
- А вы по какому вопросу, мама? – спросила Пандора, глядя в извлечённое из ридикюля зеркальце и охорашиваясь.
- Свекровь передвинула чёрную повязку на лоб и мрачно посмотрела на Пандору:
- По личному.
- Тут слушок прошёл, – сказала Пандора как ни в чём не бывало, – что у деверя моего неприятности. Вроде шеф его на Кавказ командирует.
- Если знаешь, чего спрашиваешь?
- Вы бы, мама, повлияли на Прометея. Кому, как не вам, мама, наши греческие законы знать. Сын, конечно, за отца не отвечает, да и брат за брата вроде нет, но только это на бумаге. А по жизни может и не так выкатиться. Мой Эпочка пострадать ни за что ни про что может.
- Волнует тебя Эпочка, как же! – Фемида неприязненно покосилась на сноху.
- Тебе лишь бы нос свой повсюду совать. Скажи спасибо, что у меня зрение неважное, а то я бы на тебя Эпиметею глаза открыла.
- Пандора капризно дёрнула плечиком.
- Не любите вы меня, мама.
- Ой-ой-ой! А ты меня просто обожаешь!
- Свекровь натянула на глаза повязку и демонстративно отвернулась. Пандора, посидев для приличия ещё минутку, встала и, покачиваясь на высоких каблуках, направилась к Агамемнону.
- Хай, – мяукнула она и повернулась вполоборота, чтобы Агамемнон хорошенько мог рассмотреть соблазнительный вырез на бедре.
- Здорово, девушка, если не шутишь, – Агамемнон покосился на вырез. – У тебя, девка, платьишко порвалось. Поди зашей, а то ходишь тут в непотребном виде.
- Пандора, слегка порозовев, повернулась к воину другим боком.
- А вы по какому вопросу?
- С жалобой я. На Ахилла. Если бы ты знала, девушка, какая же он сво...
- Тс-с-с! – Пандора кокетливо прижала лилейный пальчик к губам Агамемнона.
- В моём присутствии попрошу не выражаться.
- Суровый воин, почувствовав нежную женскую руку, потянул ноздрями воздух и потеплел лицом.
- Пуазон?.. У нас в Древней Греции все так выражаются. Даже дамы.
- Шанель номер пять, – ответила Пандора. – Нью-Йорк не Америка, Москва не Россия, а Олимп не Греция.
- Она села рядом. Закинув ногу на ногу, позволила полам платья разойтись и, увидев вспыхнувшие глаза Агамемнона, удовлетворённо улыбнулась.
- А мы вот с мужем за подарком пришли.
- За подарком? А муж твой кто?
- Эпиметей.
- Братишка Прометеев, что ли?
- Он самый. Правда, они с братом не очень друг друга жалуют. Когда мы из канцелярии письмо получили о том, что для нас подарок приготовлен, Эпиметей аж в крике зашёлся: «Бойтесь, кричит, данайцев...»
- А что, подарок от данайцев?
- Так в том-то и дело! Муж так и кричал: «Бойтесь данайцев!» А чего их бояться, господи-е! Мужики как мужики – всем им одно от нас надо. Только другие на халяву хотят, а данайцы, вишь, подарки дарят. Тут уж меня такое любопытство разобрало: а вдруг и для меня там что-то лежит.

«Эпиметей! К шефу!» – раздался в это мгновение зычный голос Силы Ерофеича. Эпиметей с чемоданом в руках быстро пересёк приёмную и, подойдя к жене, поставил чемодан возле неё на пол.

– Пусть постоит здесь пока. Только смотри, Пандора, чемодан не открывай!

– А что у тебя там? Любовные письма? – подозрительно сузив глаза, зашипела супруга.

– Не твоё дело! Повторяю: в чемодан не лезть!

– Да сдался мне твой чемодан! Сто лет он мне в обед не нужен! Если у тебя хватает совести законной жене любовные письма на хранение сдавать, то пусть он ко мне стихами говорит! Нет, вы только посмотрите, люди добрые, – распляясь, повысила голос Пандора, – каков у меня муженёк!

Но Эпиметей в это время уже затворял за собой дверь в кабинет шефа.

4.

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – “Тель-Авив“», – произнёс дельфийский оракул.

Прометей и Шурик в изумлении уставились друг на друга.

– Мойры! – весело сказал Прометей. – Заткались, сучьи бабы!

– Экспресс «Сионизм», – откликнулся Шурик, – вот те и новое направление!

– Ну ладно. Бельмондо, так Бельмондо! Приехали. А я, между прочим, – Прометей приосанился, – с Моисеем ихним, как с тобой разговаривал.

– Да-а? – удивился Шурик. – И что он сказал?

– Он вообще высокомерный мужик такой был. Слова цедил еле-еле. Через губу. Сказал, что с Богом знаком и что тот ему даже книжку подарил. С автографом. Но на меня это, честно говоря, никакого впечатления не произвело: подумаешь, он с Богом знаком! Я вот со многими знаком – и то не хвастаюсь.

– А что за книжка, не помнишь?

– Смутно. Какие-то исповеди... заводи. А может, проповеди... Там их десять штук было. Под одной обложкой.

– Слушай, – сказал Шурик, – а у них здесь море есть?

– А как же! Целых три.

«Тахана ракевет», – поведал загадочный полиглот, – «переход на линию Тель-Авив – Беер-Шева».

– Тогда пошли на пляж! – легкомысленно сказал Шурик и встал.

– Надо бы сначала о ночлеге подумать, – отозвался Прометей.

– Мне думать ни к чему. Денег ни копейки, никто не исполняет, не понимает. Вон даже Бунин, Иван Алексеич, – уж на что интеллигентный человек, да и тот над моей гениальной трубой измывается. Так что считай, что в отель нас с тобой не пустят. А знакомых здесь у меня нет, поскольку в мои времена и страны такой не было.

Прометей улыбнулся.

– Ну, положим, тебя тут многие знают. Вот, например, тут живёт один индус. Так он тебя, как облупленного, наизусть всего знает. А вопрос с отелем я улажу: кое-какие связи у меня и здесь есть.

– Индус? – удивился Шурик. – Йог? А как его зовут?

– Зубин Мета его зовут. Но тебе это имя ничего не говорит. Это естественно: он попозже родился.

– Любопытно! – Шурик поджал губы и сделал большие глаза. – Честно скажу: в том, что слух обо мне пройдёт по всей Руси великой, я был с детства уверен. Но чтобы индус! Чудеса.

– Да, – тем временем задумчиво продолжал Прометей, – придётся заглянуть в мою записную книжку.

– М-гм, – бормотал он, слюнявя пальцы и пытаясь разодрать полуслипшиеся страницы, – вот, например, Кефей с Кассиопеей... Адрес... старый Яффо... телефон... ага! Попросимся к ним на обед. Они накормят. Если, конечно, что-то после свадьбы Андромеды с Персеем осталось.

В прохладном полумраке вокзала Шурик заметил бородатого мужчину в чёрном длиннополом пальто и шляпе, из-под которой вились кокетливые дамские локоны.

– Послушай, – сказал он задумчиво, – напрасно мы с тобой губу насчёт пляжа раскатали. У них тут холодно: смотри – люди в пальто ходят.

– Да нет, просто у них мода такая. Элегантная. Вот портфель, пальто и шляпа – значит, папа выходной, не уйдёт сегодня папа...

Они нашли маленький недорогой отель в самом центре, на улице Бен Йегуда. Пока Шурик принимал ванну, Прометей включил радио, и их убогую комнатушку вдруг наполнил и осветил роскошный вальс. Прометей, человек суровый и не сентиментальный, настоящий боец, неожиданно почувствовал, как эта волшебная музыка завораживает его и покоряет.

– Вот оно, пламя, воспламеняющее душу, – думал Прометей, – за это не жалко и на Кавказе пострадать. Шурик! Шурик, – позвал он, – ты не знаешь, что это?

– Эх ты, темнота, – ответил Шурик из ванны, – а ещё Прометей! Штрауса не знаешь. Это же Rosenkavalier. Красочная музыка... Хотя и шарлатанская.

– Хороший у Розы был кавалер, – вздохнул Прометей, – просто красавец!

– Ну всё, я готов, – сказал Шурик, взбив невысокий кок, – пошли знакомиться с местностью.

Пройдя коротеньким переулком, друзья вышли на набережную.

– Пойдём в Яффо, – сказал Шурик, – тут вроде бы недалеко. Говорят, красивое местечко.

– Кто говорит?

– Я на Олимпе как-то Персея встретил. Он от восторга прямо чуть ли не слюни пускал.

– Ещё бы ему не пускать – такую деваху там оторвал.

Некоторое время шли молча.

– Жарища-то какая, – заметил Шурик, – прямо хоть галстук снимай. А тот мужик, на вокзале... Помнишь?

Прометей кивнул.

– Так он и вовсе в пальто был. Что-то не пойму я эту страну. Если он летом в пальто, то что же он носит зимой?

– Да здесь таких знаешь сколько? Религия у них такая. На то, на то, – неожиданно и весьма легкомысленно спел Прометей, – и даётся им пальто!

– И давно они в пальто?

– Давненько. Вера-то их – довольно старенькая. Но наша, – Прометей самодовольно улыбнулся, – куда старше.

– Нашёл чем хвастаться, – сказал Шурик, – старухой. Верить надо в молодость! Вот моей вере всего две тыщи лет и она как новенькая. А ваш Олимп весь нафталином пропах.

– Да ну их всех в болото, – отмахнулся Прометей, – лучше пошли искупаемся.

На пляже было многолюдно и пестро. Евреи всех национальностей время от времени срывались с синих топчанов и отчаянно бросались в волны Средиземного моря. Можно было подумать, что их вызывает на ковёр Посейдон. В ровный рокот прибоя вплетались мелодичные звонки пелефонов.

Шурик стыдливо снял сюртук и панталоны, явив на всеобщее обозрение цельный купальный костюм в поперечную полоску. Прометей остался в античной повязке.

В это время мимо прошла обнажённая девушка. Узенькая лента едва прикрывала низ её плоского загорелого животика.

– Бесстыдница! – проводив её горящими глазами, сказал Шурик и надел котелок.

Едва они успели расположиться на синих топчанах, как перед ними внезапно возник бесконечно загорелый молодой человек. Он протянул руку и, приплясывая на раскалённом песке, лаконично произнёс: пять шекелей.

– Что он хочет? – спросил Прометей по-древнегречески.

– Ничего, – ответил Шурик на языке Колхиды. – Танцует просто.

– Денги давай! – настойчиво повторил молодой человек.

Тут выяснилось, что у Прометея никаких денег нет и сроду не было. А Шурик, чьи произведения были ещё никому не известны, был вообще беден, как Иов.

Пришлось устраиваться прямо на песке.

Порывшись в складках своей повязки, Прометей выудил оттуда кривую сигаретку.

– Последняя, – сказал он, встретившись с вопросительным взглядом приятеля.

В Старый Яффо вошли уже затемно.

– Да-а-а, – протянул Шурик, глядя на скалу, – это тебе не перина. У Андромеды, небось, вся спина – сплошной синяк. Представляешь, каково ей было в первую брачную ночь. Да и Персею тоже... Шутил, наверное: девушка, у вас вся спина синяя.

– Да помолчи ты, – с некоторой досадой сказал Прометей, – взгляни – красотища-то какая.

Очень быстро и, как это обычно бывает на юге, немного неожиданно упала и загустела синяя ночь. Земля на своём земном языке зашептала слова благодарности божественной прохладе: отпустило напряжение знойного дня. Они легли рядом на песке. Море ласково играло бирюзовою волной.

– А у нас в России, – сказал Шурик, – сейчас, небось, холодрыга вселенская. – Да у вас там всё не совсем как у людей, – живо отозвался Прометей. – Я там один раз побывал. Как раз в такую холодрыгу и попал. Ты прикинь, Шура: стою я в набедренной повязке у магазина «Сыр». А вокруг дамы в соболях. Я молодой тогда был, сложен, как бог. Или как некоторые из них. Женщины такие взгляды на меня кидали, что в Арканзасе их мужья меня давно бы застрелили. Тут подплывает ко мне мужчина в шубе на больших медведях и говорит: что же ты, мил-человек, голяком по Тверской-Ямской. Не по-нашему это как-то, не по-русски. У нас, говорит он, тут девушки танцуют голые – это бывает, это традиция такая. А мужчине это вроде как бы и не к лицу. Я смотрю на него, а сам чувствую, как сковывает ваш русский дедушка Мороз мои хладеющие члены. А что делать? Повязку на плечи не натянешь. Я попытался, не получилось. А мужчина в медведях посмотрел на них, на плечи и другие члены мои хладеющие, потом расстегнул шубу, скинул её к моим ногам и говорит со слезой в голосе: бери и помни, говорит, Савву. Мне теперь, говорит, шуба не понадобится – я ныне в театре у камелька греться буду. Там теперь моё место. Потому как никому Костик Алексеев не верит. Даже Воле Немировичу. Только мне. Он даже Хозяина уважать меня заставил. И лучше выдумать не смог. Планов у нашего Костика громадьё! Антигону будет ставить. Пока он всё это мне бухтел, я шубу с земли поднял, завернулся в неё, как через столетия будут римские сенаторы в тогу заворачиваться, пригрелся и даже подрёмывать стал... ну прямо, как ты сейчас. И вдруг слово до меня дошло: Антигона. Он Антигону ставить будет! А её ставить, брат, нельзя! Она даже мужу этого не позволяла. Её же класть надо! Я и говорю: слышь, говорю, мужик... как тебя там... Савва. Ты меня с тем, кто нашу Антигону ставить собирается, поближе познакомь: я ему расскажу, что с ней надо делать. В крайнем случае и показать могу. Только я это на людях делать не очень люблю. И вообще, вы бы со мной посоветовались, говорю, прежде, чем в наш древнегреческий огород лезть. Вот

так, Шура, я и попал во МХАТ. И что меня там особо удивило, так это всеобщая дружба и национальный состав труппы: все русские. Я один среди них грек. И ещё какой-то Шверубович. Остальные – точно русские. Взять, к примеру, Ольгу Леонардовну Книппер. Там к бабке ходить не надо. Между прочим, та ещё штучка, скажу я тебе. Муж в Анапу, а она – к Глазенапу. А главный режиссёр и постановщик всяких опасных трюков у них непростой был мужичок – с коготком! Тоже из ваших. Из русских, из российских, из славян. Фамилию и не выговоришь: Жужу... Жду... Джужу... Джугашвили. Вот дьявол! Плюнешь три раза, да и перекрестишься – каких только фамилий на вашей Руси нет. – Чего это ты креститься вдруг задумал? – вяло спросил Шурик.

– Фигура речи. Действительно – чего бы это мне, древнему греку и титану, вдруг креститься вздумалось. Это я, извини, слегка вперёд забежал. Забыл, какое у нас нынче тысячелетие на дворе. Греки-то креститься попозже начали... Да и вообще, я не об этом. Вот возьмём, опять-таки скажем, Грецию. Древнюю, конечно. У нас кто в теремочке живёт? Одни греки. Едут греки через реки, видят греки: в реке Гракх... Мама грек и папа грек, а сын – турецкий человек. Шучу, шучу. Эта шутка очень популярна на Кипре. Я часто с нею там выступал. Зато у вас в России... Кого только у вас там не было, кто только там у вас не погулял! И немцы, и французы, и поляки, и шотландцы с эфиопами. Даже евреи! Этих-то какой чёрт туда занёс?! О татаро-монголах я и вспоминать не хочу – это общее место. А вы что-то там о чистоте расы бормочете. Окститесь, ребята.

– Неправда! – от негодования Шурик даже встал. – Я абсолютно русский человек!

– Ты-ы? – протянул Прометей, измеряя Шурика взглядом гробовщика. – Ты? Ну ты – может быть. Как исключение.

– Вот то-то мне и обидно, – продолжал Шурик, – что человек я русский, а композитор – нерусский.

– А какой же? – удивился Прометей.

– Нерусский, да и всё тут. Так критики считают. Раз, мол, он «Калинку» в свои опусы не вставляет, значит нерусский. Я уж им и паспорт показывал, и метрику родителей. Ничего не помогает! А один даже упрекнул меня тобою: чего это он, дескать, со своим «Прометеем» (с тобой, значит) как дурень с писаной торбой носится? Сразу видно, мол, что не наш. Наши люди в булочную... И пошла писать губерния! А ведь я им, дуракам, хочу про тебя, про твой подвиг рассказать.

– Какой такой подвиг? – Прометей хмуро взглянул на Шурика.

– Что значит «про какой»? Можно подумать, что ты этих подвигов чёртову уйму настрогал. Скажите, какой Геракл! Тебя в моём присутствии шеф предупредил! Я его слова отлично помню.

– Ты больше его слушай. Наш картавый порой такое говорит, что без амброзии не разберёшь. А кстати, что ты имеешь в виду? В данном случае?

– Прикуривать – пожалуйста, а огонь в руки не давай! Вот что он сказал. И предупредил, что в случае чего в асфальт тебя закатает.

– Ой-ой! Напугал. «В асфальт». Какой асфальт? Они там на Олимпе асфальта никогда не видели. Вот если бы они штаб-квартиру на Везувий перенесли, тогда да. И вообще, слова Кроньча надо на семнадцать с половиной делить. Ну дал я им... то есть вам огня. Ну и что? Что случилось-то? Чего крыльями-то трещать? Спалили они кого? Вот ты, Шура, человек современный, вот ты скажи – спалили?

– Пока нет. Но стараются изо всех сил. Видишь ли, Прометеюшка, не сразу дело делается. Они в каждом столетии репетируют.

– Э! Пока они им пользоваться научатся... Но вот самого главного они-то и не поняли. Это только шеф понял. Я ведь им не просто огонь дал – я им огонь творчества подарил. Вот из-за чего Зевес озверел. Раньше богов сколько было? Двадцать? Тридцать? Я не считал. Да это и неважно. Потом сокращение штатов

произошло: остался один. А теперь их миллионы. Каждый стал богом. Пусть ненадолго, пусть на время, что ему Парки отпустили. Но богом!

– Что ты несёшь? Выходит, что и я бог?

– Конечно, Шура. И один из самых главных. В вашей человеческой иерархии, так же, как и в олимпийской, боги по направлениям и специальностям разделены. Вот у нас как? Скажем, Арес – бог войны. Он про войну всё знает. Подкован, как бог, – от всех видов оружия до тактики сражений и стратегии ведения войны. Он самый лучший специалист в этой области. Или вот Деметра – богиня плодородия. Никакой Мичурин и рядом не стоял. Она такие чудеса выращивает! И у вас, у людей, также. Например, Александр Филиппыч... фамилия из памяти вылетела, что-то по звучанию польское. Он ваш бог войны, человеческий Арес, так сказать. И в твоей специальности, Шурик, тоже богов достаточно. И каждый по-своему божественен. А табель о рангах – это от лукавого, это человечки придумали. Бог Бах! Бог Моцарт! Бог Кинцлах!

– А кто это такой? – удивился Шурик.

– Ты ещё не знаешь. Это здесь, в Петах-Тикве, через сто двенадцать лет родится. Большой композитор, настоящий гений. Но что я сказать хотел?.. А-а, да! Так вот: среди композиторов Зевеса нет. И слава богу!

– К-к-какому богу? – робко спросил Шурик.

– А чёрт его знает!

Они замолчали. Душная ночь едва шевелилась над их потными телами. Тысячекратно всеми поэтами описанные звёзды назойливо сверкали, мешая наслаждаться глубочайшей бархатной чернотой южного неба. Вдруг Прометей поднял голову и прислушался.

– Ты слышишь? – спросил он.

– Что? – вяло отозвался засыпающий Шурик.

– Ты слышишь гул?

– Да нет. Какой гул? Ничего не слышу. Не мешай, Прометей, я спать хочу.

Но Прометей, не обращая внимания на слова своего приятеля, встал. Шурик с удивлением наблюдал за тем, как Прометей нервно поворачивал голову, пытаясь уловить звук, который он сам не слышал. Вдруг он наклонился и схватил Шурика за плечо.

– Вставай, Шура! Скорее! Надо бежать!

– Куда бежать, Прометей, ты что? Мы же только приехали.

– Всё пропало, Шурик, – вдруг отчаянно закричал Прометей, – теперь всем кранты! Бежим!

Страх, который внезапно охватил смелого Прометея, передался и Шуре. Он вскочил на ноги и в это мгновение услышал гул, о котором спрашивал Прометей. Это был тихий, очень низкий звук, и это действительно было очень страшно. Они побежали вдоль моря.

– Что это? – спросил он на бегу.

– Эта дура, – делая гигантские прыжки, бормотал Прометей, – открыла чемодан.

– Какая дура? – задыхаясь и едва поспевая за Прометеем, спросил Шурик, – какой чемодан?

– Пандора, невестка моя, – ответил Прометей. – Теперь даже Зевес не поможет. И никто не поможет. Лежать мне на скале, а орёл уже вылупился из яйца. И родине твоей не поздоровится, Шура: ветер, сам видишь, какой – южный. Да и тебе, сынок, долго не жить. Правда, бессмертие в пределах человеческой цивилизации тебе обеспечено. Но как долго будет она длиться, теперь уже никто не знает. Ящик, проклятый ящик!

– Какой ящик?

– Ну, чемодан. Какая теперь, в жопу, разница?!

5.

– Ну и куда это мы с вами попали? – тяжело дыша, спросил Кац. – В Питер?

– Да непохоже, – хрипло ответил Евдокимов.

Он стоял на плечах Каца, пытаясь что-то разглядеть сквозь решётку.

– Что там видно? И давайте поскорее – я ведь не нижний в цирке.

– Сейчас... сейчас, – пыхтя, отозвался Евдокимов. – Я пытаюсь решётку выдавить.

Это ему удалось. Решётка, отвратительно заскрипев, выпала из своего гнезда и, судя по удаляющимся звукам, покатила куда-то вниз.

– Потерпите ещё секунду, – сдавленно бормотал Евдокимов, – я сейчас попытаюсь выбраться наружу.

Это ему тоже удалось. Через секунду в отверстии появилась его голова, а затем и рука, в которой был зажат брючный ремень.

– Цепляйтесь, коллега, – сказал Евдокимов. – И вылезайте. Вы очень удивитесь.

Кац ухватился за ремень и, спортивно подтянувшись, ловко выбрался наружу.

Приятели оказались на склоне какой-то горы. Судя по всему, где-то посередине её. Далеко внизу были видны зелёные луга, по которым в различных направлениях медленно передвигались какие-то микроскопически малые белые и чёрные предметы. Воздух был чист, ароматен и прозрачен. Только на горизонте виднелось что-то вроде синей тучи.

– Море, – указывая рукою на тучу, сказал Кац.

– А это что? – Евдокимов смотрел на передвигающиеся по зелёному фону предметы.

– Судя по всему, овцы. Где же это мы с вами очутились, хотел бы я знать. Давайте проведём мозговой штурм.

– Давайте, – легко согласился Евдокимов. – Только сначала взбодримся после тяжёлого перехода.

Он сунул руку в боковой карман и извлёк её уже с бутылкой.

– Откуда? – искренне удивился Кац. – Я думал, что мы ещё в метро всё приговорили.

– Вы помните, что Миша сказал?

Кац отрицательно покачал головой.

– Он сказал: но у нас с собой было. Это, Толя, не просто слова – это магический ключ к пониманию загадочной русской души. Лягушатникам, макаронникам и всяким там фрицам надо не диссертации об этом предмете писать, а суть этой глубочайшей мысли постигать. Потому что у нас с собой всегда было, есть и будет! На том стояла...

– Ладно, кончайте демагогию, – прервал его грубый Кац. – Извлекли, так наливайте.

Постучав по карманам, Евдокимов нашёл те же складные стаканчики, затем удручённо покачал головой и сказал:

– Вот только закуси нет. Придётся без поддержки тыла.

– Ничего. Главный компонент имеется, а остальное – вопрос воображения.

Они выпили. На душе посветлело.

Обратите внимание на пейзаж, – слегка ёрничая, сказал Кац, – как говорили в Одессе, «здаёца мне, шо ми у в Грэции».

Этим наивным шутовством Кац хотел прикрыть страх, который почему-то внезапно охватил его.

– А почему не «в Швеции»? – передразнил его Евдокимов.

– Чуй у меня есть, понимаете? Чуй! Эти горы, покрытые утренним туманом, это синее море у кромки горизонта, овечки с не видимым нам пастушком – всё это чисто греческая античная идиллия. Или пастораль – как вам будет угодно. Я

вам больше скажу. Посмотрите на гору, на склоне которой мы находимся. Взгляните вверх. Видите там что-нибудь?

Евдокимов взглянул.

– Не видите, – продолжал Кац. – И не должны. Потому что вершина Олимпа седого сокрыта от взоров нескромных шапкою облачной пены. И только лишь Трои герои допущены были пред очи святого Зевеса.

– Это что, гекзаметр? Да вы, чёрт побери, поэт! Вот уж не знал, что пью с небожителем. Может, вы ещё и нобелевский лауреат?

– Может быть, – ответил, потупив свой взор, небожитель Кац. – Может быть. В недалёком будущем.

– А почему же вы никогда об этом не рассказывали?

– Случай не представился. Но чу! Пора. *La strada* нас зовёт. Куда направим свои стопы? Вверх? Вниз?

– Давайте рассуждать логически, – предложил Евдокимов.

– Давайте, – не стал упрямыться Кац.

– Что мы видим внизу на этой красивой картинке? – речь Евдокимова обрела учительские интонации. – Мы видим овец и лужок, а также угадываем где-то в кустах наличие «моводенького» пастушка. Присутствует ли здесь Санкт, как вы уже знаете, Петербург?

Кац отрицательно мотнул головой.

– Следовательно, или, как говорили древнеископаемые народы, *ergo*, нам вниз не надо. Нас там никто не ждёт. Значит... всё выше и выше, и вы-ше стремим мы... – внезапно громко спел Евдокимов.

– Ладно, – перебил его приземлённый Кац, – пошли.

И они стали подниматься по довольно узкой, серпантинном выющейся вдоль горы тропе, на которой они загадочным образом очутились. Идти было довольно страшно: справа их тянула к себе бездна, а сама тропинка была скользкой из-за недавно прошедшего дождя. Помимо этого, с каждым их шагом она становилась всё круче и круче.

– Подождите, – сказал, слегка задыхаясь Евдокимов, – давайте немного отдохнём, а то я уже начинаю чувствовать разреженность воздуха.

– Извольте, – согласился Кац.

Разбивать лагерь было негде, поэтому друзья просто опустились на землю.

– Всё это, – сказал Евдокимов, которого потянуло на философию, – символизирует жизнь человеческую. Карабкаться по скользкой дороге вверх – вот смысл нашего существования. И что самое удивительное при этом: мы не можем устоять перед всепобеждающим инстинктом и лезем, не имея ни малейшего представления о цели. А может, нас там ждёт сильнейшее разочарование? Или, что ещё хуже, – смерть? Но остановиться? Нет, только вперёд, пускай на мины. Что вы по этому поводу думаете, Толя?

– А можно я отвечу не по-русски?

– Разумеется, – любезно согласился Евдокимов.

– Киш мир ин тухес!

– Это на каком языке? – полюбопытствовал Евдокимов.

– Это на благородной латыни еврейского местечка.

– Ага! И что это значит? Переведите.

– Каждый Фиш должен **это** понимать без перевода. Не морочьте мне голову вашими неуместными измышлениями. Мы идём вверх, потому что вверх, как это ни странно, идти легче, чем вниз. А кроме того, то, что находится внизу, мы в общих чертах видим. А верх скрыт за облаками. Мы с вами попали в какой-то сумасшедший мир, и я не исключаю, что выход из него именно там.

– Погодите! – вдруг поднял руку Евдокимов. – По-моему, кто-то идёт.

И действительно, из-за поворота доносились шаги. Кто-то шёл вниз, им навстречу. Друзья поднялись с земли и напялили на лица вежливые улыбки. Из-за поворота вышел невысокий мужчина крепкого телосложения. На нём был надет чёрный облегающий комбинезон. В руках мужчина держал короткоствольный автомат с каким-то устройством, напоминающим глушитель. Кац с Евдокимовым окаменели. Мужчина шёл прямо на них, будто их и вовсе не было. Вдруг он, глядя мимо, коротко повёл стволом своего автомата и сказал:

– Step aside².

– Чего? – переспросил Евдокимов.

Мужчина повернул голову к нему, его взгляд стал более или менее осмысленным, и он повторил с точно такой же интонацией:

– Step aside.

В этот момент пришёл в себя Кац.

– Whats the matter³, собственно? – спросил он.

– Get out and do not talk⁴, – ответил мужчина и привычным движением пере-дёрнул затвор.

С этим аргументом спорить было сложно. Друзья прижались спинами к отвесной стене, а мужчина, как ни в чём не бывало, пошёл дальше. В этот момент послышался шум шагов, глухой говор и из-за того же поворота вышла довольно большая группа людей – мужчин и женщин. На них была обычная европейская одежда. В самой серёдке этой группы шёл человек стандартной внешности, ничем не отличающийся от своих спутников. Но чувствовалось, что именно к нему тянутся их души, взгляды, руки и мысли.

– Послушайте, – глядя на этого человека, зашептал Евдокимов, – вы знаете, кто это? Это же Джордж Буш!

Кац пожал плечами.

– Ну и что? – равнодушно спросил он.

В это время группа поравнялась с Евдокимовым и Кацем.

– Хау ду ю ду, мистер президент! – в порыве антипатриотических верноподданических чувств воскликнул Евдокимов.

Буш вскользя взглянул на него, махнул рукой и прошёл мимо.

– Ду ю спик инглиш? – прошептал ему вслед Евдокимов.

Кац расхохотался.

– Ну и произношение у вас, – сказал он, отсмеявшись. – Кто ставил?

– Раиса Яковлевна Шкурко, учительница средней школы посёлка Песочное Ленинградской области. Только она, я думаю, даже не подозревала о том, что есть такое понятие.

– Слава советским учителям! – экстатически воскликнул Кац.

– А вот вы, – сказал Евдокимов, – славно по-американски чешете. Я и не знал. Только не говорите, что случай не представился.

– Но ведь так оно и есть. Не каждый день, прогуливаясь по Олимпу, встречаешь президента Соединённых Штатов.

– А интересно, откуда это он шёл, – задумчиво проговорил Евдокимов.

– Однако вы сноб – какая вам разница? Сколько лет знаком с вами, но вы никогда не говорили, что болеете этой распространённой болезнью.

– Случай не представился.

Кац оценил шутку, улыбнулся и сказал:

– Пора подумать о хлебе насущном. Пошли.

² В сторону! (англ.)

³ Что случилось? (англ.)

⁴ Отойти и заткнуться! (англ.)

И приятели осторожно побрели вверх по крутой и скользкой дорожке. Так шли они довольно долго, пока не добрались до развилки.

– А теперь куда? – спросил Евдокимов. Он очень устал, измучился. Хотелось есть, пить, спать и очень хотелось домой к маме.

– Мама, наверное, уже все больницы обзвонила... Послушайте, Толя, хватит бодриться и притворяться, что нам это всё страшно интересно. Мы попали в какую-то странную временную петлю и боюсь, что нам из неё не выбраться.

– Видите ли, – ответил железный Кац, – время – это тоже понятие относительное. Так что я не исключаю, что для вашей мамы оно в данный момент течёт как-нибудь иначе. Не мучьте себя этими мыслями – они непродуктивны. Соберитесь с силами, мы уже почти у вершины. По крайней мере, облако, которое её покрывает, прямо над нами, его можно рукой потрогать. Я советую вам, прежде чем мы, сделав несколько шагов, войдём в него, снять брюки.

– Зачем?

– Махнёте ими, и получится облако в штанах.

– Отличная идея, – ухмыльнулся Евдокимов. – Только вот непонятно, куда идти: дороги-то две.

– А мы сейчас бросим монетку. Если орёл, пойдём по правой, а если решка...

Но бросать монетку не пришлось, потому что в этот момент как раз на левой дороге появились две фигуры и направились к развилке.

– Послушайте, Толя, – сказал Евдокимов, глядя в приближающиеся фигуры, – а ведь я их где-то видел.

Пока он раздумывал, высокий кудрявый мужчина подошёл к нему и сказал:

– Сегодня у шефа хлопот полон рот. Он зол, как пёс. Так что если у вас не очень срочно, лучше к нему сегодня не соваться.

Евдокимов остолбенел от неожиданности и открыл было рот, чтобы что-то сказать, но сообразительный Кац выразительно наступил ему на ногу и, любезно улыбнувшись, спросил очкарика:

– А что, собственно, случилось? Мы такой путь проделали. Не идти же обратно!

– Мы тоже не из-за угла вышли, – вмешался в разговор худенький шатен, чей идеальный пробор вызывал изумление, – мы от самого Яффо пешкодралом чешем.

– вспомнил! – громко сказал Евдокимов. – Мы с вами вместе в метро ехали. Помните, в Берлине. Вы ещё спали в вагоне. Какая удивительная встреча. В любом случае, раз уж мы все вместе оказались здесь, позвольте представиться. Моя фамилия Евдокимов. А это мой друг Толя Кац.

– Очень приятно, – улыбнулся кучерявый. – Прометей. А это мой юный друг Шура Скрябин.

– Как же, как же, фамилия известная. Вы кем Вячеславу Михайловичу приходиться? Внучатым племянником?

– Насколько мне известно, родственника, носящего такое имя, у меня нет, – задрал свой курносый нос, высокомерно произнёс Шурик.

– Ну, на нет и суда нет, – примирительно сказал Кац. – А вы кто по специальности?

– Он у нас теург, – вмешался кудрявый. – Музыка сфер и всё такое прочее. Он как мою зажигалку увидел, когда я ему прикуривать давал, так сразу «Поэму огня» написал.

– Какую поэму? Какого огня? Не читал, – некстати влез необразованный Евдокимов.

– Не позорьте меня, интеллектуал, – шепнул Кац.

И продолжил, обращаясь к Прометею:

– А к шефу мы всё же пойдём, потому что у нас нет выбора. Кстати, как туда пройти? Дело в том, что несколько лет назад я был там, но слегка подзабыл.

У простодушного Евдокимова челюсть отвалилась до самых колен.

– Я и не знал, что вы побывали на Олимпе, – шепнул он. – Почему же вы никогда об этом не рассказывали?

– Случай не представился. Так как туда пройти?

– А это просто, – отозвался Прометей. – Идите прямо по этой тропинке, пройдёте между Сциллой и Харибдой (они сейчас не опасны – в отпуске, сушатся, солнечные ванны принимают), потом Дельфы будут. У оракула спросите. Только вы его слова на семнадцать делите, когда он про ваше будущее толковать начнёт. Скажу вам по секрету: это всё для слабонервных. Никакого будущего он не знает. Его никто не знает, даже сам шеф. Невозможно знать то, чего нет и никогда не было. Я так считаю: будущее – это конечное звено гигантской цепи длиной в пять миллиардов лет. А ещё есть у нас такая теория: любое будущее – это смерть. Жутковато, да? Что делать, если правда горька, как полынь. Поэтому все друг другу врут.

– И вы? – спросил Кац.

– Конечно! А чем я сейчас занимаюсь? Вру с три короба, а вы уши развесили. Ладно, дальше поехали. Значит, проходите вы мимо оракула, направление он вам укажет – это не будущее, это он знает. Попадёте в долину, которую окружают острые скалы. Дальше пути нет. Вам надо будет найти узенькую щель в одной из скал – там раньше винный магазин был. Как в неё втиснетесь, увидите огромную пещеру, а в ней множество людей с копьями. Это воины Кадма, охранники. Хреновые, я вам скажу, охранники. Время-то какое наступило, а они всё с копьями, с дрекольём этим. Правда, они количеством берут. Ну вот, вы мимо них идёте, ни на какие вопросы не отвечаете. Да и не поймёте вы их вопросов на древнеинженерно-греческом. В углу старенький лифт увидите. Он прямёхонько в приёмную вас и привезёт.

– Спасибо, господин Примитеев. Правильно я расслышал вашу фамилию? – прижал обе руки к сердцу Евдокимов. – Мы хотим прошение в высшую инстанцию подать, чтобы нас в Питер вернули. А то мне уже хочется удавиться этой петлёй времени.

– Это всё, – сказал до сих пор молчавший Шурик, – из-за слабости духа. Вот посмотрите на моего друга (он указал пальцем на кучерявого очкарика) – воплощённая воля, убеждённая в собственной правоте и готовность к самопожертвованию. Я долго думал, как его писать. И понял: не должно быть никаких разрешений в консонанс – только гармоническое шестизвучие!

Евдокимов переглянулся с Кацем.

– Ну, мы пошли, – нерешительно сказал он.

– Конечно, конечно! – закивал головой Прометей. – Вы на моего Шуру внимания не обращайтесь. Для того чтобы его понять, надо гороху накушаться... или очень сильно музыку любить. Потому что он бог. А божий промысел, равно как и словеса, божественными устами глаголемые, человеку не дано понять. Шурика даже наш Кронич чуть ли не за равного держит. Хотя и спуску не даёт. Значит, вы, ребята, поняли, куда идти? А то подумайте ещё: там, наверху, очень опасно.

– Нет, пойдём, – сказал Кац. – Выхода у нас никакого – или грудь в крестах, или голова в кустах.

– Второе куда более вероятно, – дружелюбно заметил Шурик.

Он кивнул Прометею, и они пошли по скользкой тропинке вниз. Евдокимов с Кацем смотрели им вслед.

– Какая удивительная встреча, – задумчиво сказал Кац.

– Ха! – воскликнул Евдокимов. – А то, что с Бушем только что повстречались, вас не впечатлило?

– Поклал я на вашего Буша, – всё также задумчиво заметил Кац, – с приборием.

– Эй! – донёлся крик снизу. Приятели узнали голос Шурика. – Эй, мужики! Забыли вас предупредить. Имейте в виду – Пандора, черти бы её побрали, чемодан открыла.

– Какой чемодан? – засмеялся дремучий Евдокимов. И страшно удивился, увидев, что его друг побелел и затрясся.

– Да вы чего? – спросил он.

– Ничего, – тяжело дыша, ответил Кац. – Пошли! Хотя теперь, если ветер в нашу сторону дунет, не дойти нам.

6.

– Вот ты всё чаем надуваешься, мышей не ловишь и за событиями не следишь, – говорил, попыхивая сигареткой, Влас Тимофеевич. – Смотри, как бы тебе шеф полную отставку не дал.

– Мне отставку?! Да ты, Влас Тимофеевич, смеёшься! Кто ему молнии его заряжает? А гром кто записывает? Да его положение на мне, как памятник на цоколе, стоит. Он без меня... Да он без меня просто фокусник провинциальный. Это я его громовержцем сделал, я его на трон посадил. А в случае чего могу оттуда и попросить. Вон кандидатов на такую хлебную должность как собак нерезаных: Иегова на низком старте стоит. А за ним очередина аж до самого Пелопонеса выстроилась – и Иисус, и Мухаммед, и Будды всевозможные. Не говоря уже о таких, как Ра, – оч-чень серьёзный мужчина. А я всем им нужен. Даже такому безобидному, как Иисус.

– Осади назад! Нашему Кронычу ещё несколько сотен лет в этом кабинете штаны просиживать.

– Ну и тем лучше: значит, мы с тобой ещё долго без работы не останемся, – сказал Сила Ерофеич и потянулся к заварному чайнику. – Хотя знаешь, – продолжил он, журча струей, – я иногда думаю: ведь Греция-то Древняя не вечна – уже Древний Рим из-за горизонта выглядывает.

– Уж чего-чего, а Древнего Рима нам с тобой бояться не надо.

– Что так?

– Ты уж мне, Сила Ерофеич, поверь – в нашем ведомстве ничего не изменится. Только некоторые переименования произойдут. Ну, это процесс известный. Вот, например, Россия – наша с тобой праисторическая родина – одними переименованиями и живёт. К примеру, был царь, а стал секретарь. А потом и вовсе какой-то непонятный президент – слово-то совсем чужеземное. Что изменилось? Был Санкт-Петербург, потом Петроград, потом Ленинград, теперь опять назад поехали – Санкт, видите ли, Петербург. Меньше, чем на святость, они там не согласны. А главное, чтобы слово покрасивше, поиностраннее было: «прэзидэнт», «Санкт-Петербург». Но что по сути изменилось? Вот и у нас произойдёт то же самое: Зевес Кроныч имя поменяет, станет Юпитером. А за ним все остальные, как обезьяны: Афродита станет Венерой, Арес – Марсом, Гера – Юноной. Вот только мы с тобой, старый друг, как были Силой и Власом, так ими при любых наименованиях и останемся. Настоящее не меняется.

– Да, ты прав! Я это ещё в Главке заметил.

– В каком главке?

– В какой, – поправил Влас.

Помолчали.

– Напрасно ты про Россию вспомнил, – сказал Сила Ерофеич. – Что ты там ни говори, а у меня за неё душа болит.

– А у меня, можно подумать, не болит. Порою хочется всё бросить к известной матери и напрямик в Москву. Я бы там в шесть секунд ажур навёл.

– Нельзя. История не канава – не перепрыгнешь. Всё должно идти своим чередом.

– Да знаю я, – скривился Влас Тимофеевич. – Кабы не это, только бы меня здесь и видели. Дичь, деревня. Развлечений ноль. Сиди, кури. А меня, между прочим, минздрав лично предупредил.

Послышался шум, двери обшарпанного лифта разъехались, и в приёмную робко ступили два человека. Даже решительный Кац был ошеломлён размерами этого помещения: приёмная была практически бесконечной.

– Вам чего, молодые люди? – строго спросил Влас Тимофеевич.

– Да мы шефу заявление принесли, – вдруг подал голос Евдокимов.

– О чём заявляете? – проскрежетал Сила.

– Домой хочу, – замирая, прошептал Евдокимов, – к маме.

– Ну и кто вас здесь держит? Идите... к своей матери.

– А ты? – обратился Сила Ерофеич к Кацу. – Ты к маме не хочешь, мидовская твоя жорда?

– Прекратите, коллега, – брезгливо скривился Влас Тимофеевич. – В своём происхождении юноша не виновен – дети за отцов не отвечают.

– А кто должен за них отвечать? Ладно, Иванов по матери, сядь тут в сторонке, не отвечивай. Заявление сюда давайте, шеф позже рассмотрит. А ты чего застыл, как холодец? Да-да, я к тебе обращаюсь, скрытый Фиш. Сядь рядом с другом, и чтоб ни звука! Поняли, вы оба?

– Где же ваше айкидо? – зашептал Евдокимов, усаживаясь на неудобный табурет.

– Какое тут, на хрен, айкидо! Вы что, не видите, с кем мы дело имеем?

Раздался мелодичный щелчок – это Влас достал из портсигара очередную сигаретку.

– На чём мы остановились? – спросил его Сила Ерофеич.

– О России говорили, – ответил Влас.

Выпуская дым, он щёлкал себя по щеке, и сиреневые аккуратные кольца медленно поднимались к потолку. Сила проследил за ними взглядом и сказал:

– Скука. Недавно тут бабы наши заспорили, кто из них сексуальнее. Поначалу вроде в шутку, а потом так разошлись, что хоть святых выноси. Начали юбки задирать, ноги показывать. Афродита вообще до пояса разделась.

– Топлес? – лениво спросил Влас Тимофеевич.

– Какой там лес! Прямо в приёмной!

– Ну и кто оказался сексуальнее?

– Да чёрт их знает! Мне – так ни одна не понравилась. Вот помню, как-то довелось мне побывать в Курской области. Так там в колхозе Ильича была одна – помощник ветеринара по искусственному осеменению коров... Вот это была, скажу я тебе, женщина! Одни груди по полпуда. Об остальном даже вспоминать больно. А эти... одна лапша. Ну, я судить их отказался, а тут по коридору молодой военный проходил, летёха зелёный. Я его к этому делу и приспособил. Он из-за баб наших слюнями весь мундир обмочил. Вместе с орденами. А как Афродитины сиськи увидел, так сразу её и выбрал. Хотя, скажу я тебе, – смотреть там не на что. Так что теперь, благодаря этому летёхе, Афродита у нас тут самая-пресамая. Гера, конечно, озверела. Да и Афина тоже осталась недовольна. Даже пообещала этому Борису при случае яйца мечом отрубить – куда только мудрость её девалась.

– Парису, – поправил Влас Тимофеевич.

Стуча копытами, в углу топтался Хирон. Ему хотелось в туалет, но бежать на зелёный лужок было ломотно.

– До каких пор, – бормотал он, пытаясь задним ходом вдвинуться в персональный сортир шефа, – будет продолжаться эта дискриминация по видовому признаку. – И я ещё должен был Геракла воспитывать! Ну и воспитал, конечно, дикаря. А как иначе я мог? Тут на собственных примерах не очень-то разъездишься. Сказал ему как-то, что после посещения туалета надо мыть руки. А он в лицо мне рассмеялся: тебе-то, говорит, зачем руки после туалета мыть, если ты ими до хвоста не достаёшь. А как речь о сексуальной культуре зашла, у меня совсем руки опустились: я ему только одно положение показать и смог. А он мне в ответ... Привёл свою Деяниру – он тогда с ней только женился – и такую Камасутру показал, что у меня комплекс неполноценности открылся: и сверху, и снизу, и сбоку-припёку. А в заключение ещё кое-что: теперь, говорит, папаша, будет тебе продемонстрирован сеанс французской любви. Мне только и осталось сказать: ты, сынок, напрасно думаешь, что это французы выдумали. Тут ты, сынок, ошибаешься – древние греки, скажу я тебе, тоже кой-чего умели. А ученик мой упёрся: нет, дескать, это импортная вещь, мне по благу достали. Схватились мы с ним, а он, конь здоровый, свалил меня, ногу на меня поставил и говорит, признавай, старый осёл, своё поражение. Пришлось признать, а что было делать – вон он какой бычара, посмотрите на него. Теперь из-за этого всё культурное человечество в заблуждении находится. До чего дошло – яйца кур учат! Так он, гад, на этом не успокоился – потребовал, чтобы я ему свой портрет подарил, а на нём надпись сделал: «Победителю-ученику от побеждённого учителя». Пришлось ещё одно унижение пережить: идти на поклон к этому голоногому мальчишке Фидию и упрашивать его, чтобы он мой скульптурный портрет лепил – лепила, блин! Мало того – потом на этом барельефе мне пришлось ещё эту дурацкую фальшивую надпись кайлом вырубать. Эх-э-хе, грехи наши тяжкие!

Горестно вздыхая, Хирон отошёл к противоположной стене: туалетом воспользоваться ему не удалось – круп не влез.

– Толя, – шёпотом говорил Евдокимов, – они нас не замечают. Что делать? Как к шефу пробиться?

– Давайте без паники, – морщился Кац, – должен же быть какой-то выход. А если он есть, мы его найдём. Я считаю, что самое главное – это дожидаться наших новых знакомых. Может быть, они нас представят.

– А с чего вы взяли, что они сюда придут?

– Теург должен появиться на Олимпе – вот с чего.

– Ну-ну, – недоверчиво качал головой Евдокимов.

Но Кац, как всегда, оказался прав. В очередной раз, скрипнув, разошлись двери старенького лифта, и в приёмной показался Шурик. Войдя, он бросил взгляд по сторонам и, заметив Хирона, направился к нему.

– Учитель, – сказал Шурик, – ты мудр и велик. Объясни мне, что Наташиному папе надо. Чего ему не хватает? Разве я не гений?

– А господину Секерину, – ответил Хирон, – твоя гениальность даром не надь. Его наличность твоя интересуется.

– Какая там наличность! Да разве в деньгах счастье?

– А в чём же? – искренне удивился Хирон.

– Как?! – чуть ли не закричал Шурик. – Жизнь художника должна быть бесстрашным стремлением к открывшейся ему в его искусстве высокой цели. Какие деньги?! Я ненавижу и презираю эту бумагу. Музыка – вот звезда. Если я не буду смотреть на неё, если она не будет светить мне в жизни и если я не буду стремиться к ней, то погибнет мысль, а с ней и всё. Пусть лучше я исчезну в безумном порыве, но мысль останется и будет торжествовать. Вот.

– Это правильно, – кивнул кудлатой головою Хирон. – Наташин папа, к примеру, твёрдо намерен отдать дочь за богатого аристократа. И эта мысль останется в нём навсегда и будет торжествовать в его душе. Во всяком случае, пока он не сбудет свою мечту.

– Но Наташа! Эта святая чистота! Неужели же она разделяет низменные стремления своего презренного родителя?

– Не разделяет, нет! Ни в коем случае, – замахал руками Хирон. – Конечно, не разделяет... Но сочувствует. Тебе, Шурик, не дано понять, как кружится голова у молоденькой девушки от мысли, что вчера она была просто Наташей Секериной, а сегодня стала вашим сиятельством.

– Не верю! Нет. Я предлагаю ей больше, чем сиятельство, – я предлагаю ей бессмертие.

– Шурик! На хрена ей бессмертие? Это когда ещё будет. А карета с гербом может уже завтра стоять у её ворот.

– Нет! Тысячу раз нет! Я должен встретиться с ней. Я объясню, я сыграю ей свою «Поэму томления», я расскажу об Олимпе, куда она поднимется со мной. Я немедленно напишу ей письмо и приглашу её на свидание. Пусть оно будет последним, но я должен попытаться вырвать её из рук прагматичного отца. Моя Наташа – не предмет для торговли! Как может господин Секерин торговать нежным телом своей юной дочери! У меня стынет в жилах кровь, когда я представляю себе мою Наташу в первую брачную ночь с каким-нибудь пожилым развратником-аристократом. Она, святая душа, даже не поймёт, что он с ней будет делать.

– Ничего. Потом разберётся, – бесчувственно заметил Хирон.

Но Шурик не слышал его слов.

– Сейчас же пойду на почту писать письмо. Она придёт ко мне, она обязательно придёт!

– Она с Гефестом придёт, – сказал Хирон.

– Зачем мне Гефест? Мне Гефест не нужен. Что я, лошадь?

– Деточка, все мы немножко лошади. Каждый из нас по-своему лошадь, – грустно сказал Хирон. – Ты, Шурик, погоди. Скажи лучше, где ты Прометея потерял.

– Так ведь он на Кавказ уехал. Лежит там, отдыхает. Пару дней назад звонил. Кавказ, говорит, подо мною. Один, говорит, в вышине.

Постепенно приёмная стала заполняться народом. Пришёл могучий Одиссей. Увидев его, Шурик очень обрадовался и, оставив Хирона, направился к нему.

– Я вот что решил, Одиссей. Вот сейчас, как Прометея прикончу, за тебя возьмусь.

– Ну что ты, Шура, – смущённо забасил Одиссей. Но и невооружённым глазом было видно, что слова Шурика ему польстили.

– Разве можно меня с Прометеем равнять? Он – Титан, а я кто? Сплошной неудачник.

– Что ты? Что ты? – заволновался Шурик. – Твоя жизнь полна приключений. Я уже заранее слышу, как ляжет мой девятизвучный аккорд на деревяшки, медью пересыпанные. Вот расскажи мне поподробнее, как ты чуть было не переспал с Киркой. Меня волнует эта тема.

– А-а... – протянул Одиссей, теплея взглядом, – было дело. То есть, правильнее было бы сказать, дела не было. Понравилась мне Кирка, дочь самого Гелиоса. Но она, как любая женщина, даже из простых, захотела воспользоваться моими чувствами для того, чтобы превратить меня в свинью. И тогда я обнажил...

– Подожди, Одиссей, – перебил гиганта Шурик, – что же привлекло тебя в Кирке? Ведь она примитивная, как грабли.

– Не мешай, Шура, – сказал вошедший в раж Одиссей. – И тогда обнажил я свой...

– Да подожди ты! Ты сначала про Кирку расскажи.

– Так я же и рассказываю. Обнажил я свой меч и бросился на волшебницу! Упала предо мной на колени Кирка и стала умолять вложить...

– Одиссей, ты непоследовательно рассказываешь. Так она волшебница была?

– Ну да. Как любая молодая и красивая женщина. Они все превращают мужчин в свиней. Но я свиньей быть не захотел, и когда она стала умолять меня вложить меч в ножны, я вложил. Пожалел её. Только велел моих друзей расколдовать: они уже давно в хлеву находились. Согласилась Кирка, и пошли мы с ней в хлев. Там увидел я моих друзей в свинском обличьи. Как бросились они к Кирке, как стали тереться о её прекрасные, длинные ноги! Но я прикрикнул на неё, и обратилась она в жалкую уродливую старуху. Тут друзья мои сразу отрезвели и вновь вернулись в мужское обличье.

– А что стало с ней? – спросил Шурик.

– С Киркой, что ли?

– Ну да.

– А она тоже вернула себе прежний облик. Но только интерес у меня к ней после этого начисто пропал: как взгляну на неё, так и вижу морщинистую старуху. Тем не менее, мы с друзьями там целый год прожили. Оказалось, что на островке, помимо Кирки, и другие девушки есть. Мы там так оттянулись! – Одиссей, погрузившись в воспоминания, мечтательно улыбнулся и полуприкрыл глаза.

– А Пенелопа? – тихо спросил Шурик.

– На фига мне эта ткачиха? – открыл глаза Одиссей.

– Нет, Одиссей, – торжественно произнёс Шурик, – не возьмусь я за тебя. Мне чужды твои полигамные устремления. Жена, супруга, спутница жизни, семья – это святое! Это – как музыка. А то, о чём говоришь ты, это упадническая, развратная мораль салонов и гостиных. Я ненавижу это! Когда мне приходится выступать в салонах, я вижу, как эти светские львы во время моей игры подмигивают чужим жёнам. И те не возмущаются и не бьют наглецов по их сытым обвислым щекам. Боже, как пуста и глупа эта жизнь! Ты видишь, Одиссей, во что превратила меня она. Это хождение по салонам и игра перед «эмбесиллями» довели меня до последней степени раздражения.

– Да-а, Шура, – озабоченно сказал Одиссей, – тебя лечить надо. Да разве таким был ты совсем недавно, когда мы с тобой познакомились в метро?

Шурик хотел что-то сказать, но почувствовал, что кто-то осторожно тронул его за плечо. Оглянувшись, он увидел человека, с которым познакомился на склоне Олимпа.

– А-а, здрас-с-ьте, – сказал Шурик, мучительно пытаясь вспомнить имя того, кто стоял перед ним.

– Евдокимов, – видя его затруднения, подсказал Евдокимов. – Виктор Евдокимов.

– Как же, как же... – светским голосом промолвил Шурик, – добрались-таки? А где ваш приятель? Ведь вы тогда, если мне память не изменяет, были с другом.

– Да вот же он, к нам идёт.

И точно: через приёмную к ним направлялся Кац.

– Ведь и вы не один были, – продолжил Евдокимов. – А ваш спутник где?

– Вы о Прометее спрашиваете? Это боль моего сердца. Я пытался его спасти, я увёз его, я прятал его в разных странах, но ничего мне не помогло: его невестка добралась-таки до чемодана. И налетевший вихрь несчастий унёс его на Кавказ, где возложил на скале. Единственное, что я смог, – я сделал его бессмертным. Но это такая малость по сравнению с теми страданиями, которые он переносит сейчас. И только из-за того, что решил сравнить меня с богами.

– Но ведь не только вас, – осторожно заметил образованный Кац.

– Да, вы правы, не только меня. Но лишь я один сумел быть благодарным и использовал свой божественный дар для того, чтобы подарить бессмертие тому, кто меня им наградил.

– Это прекрасно, – сказал Евдокимов, – а не могли бы вы и за нас попросить?

– Мне всё подвластно, – скромно ответил Шурик. – А в чём, собственно, дело?

– Мы тут с другом мотаемся по чёрт знает каким местам, а меня, между прочим, в Питере мама ждёт.

– Мама? – переспросил Шурик, и в уголке его глаза сверкнула непрошенная слезинка. – Простите, нахлынули воспоминания детства золотого. Конечно, попрошу. Прямо сейчас пойду к Зевесу Кроничу и попрошу за вас. А хотите, я вас с ним познакомлю. Он необыкновенно интересен – он дитя времени.

Вы хотите сказать, что он – дитя своего времени?

– Нет-нет, я не оговорился. Он дитя Времени. Отца его так звали – Время.

– Какое странное имя, – сказал Евдокимов.

– Имя? – переспросил Шурик. – Какое странное и удивительное явление!

– Знаете, Александр Николаевич, – вступил в разговор Кац, – пожалуй, я не решусь на такое знакомство. Дитя Времени, сын Времени, герой своего времени – кто знает, может, это именно он, так по-простому обращающийся с этой субстанцией, и поместил нас в эту петлю.

– Наверное, – сказал Скрябин, – скорее всего. Но, как известно, только тот, кто подвесил, может перерезать. Он точно может. Ждите меня здесь.

И он быстро пошёл к двери в кабинет шефа.

Забегая вперёд, можно сказать, что приятели благополучно вернулись в свой город. Евдокимова встретила в прихожей мать с половником в руке.

– Я тебя уже час жду, – сказала она. – Суп на столе остывает. Чего это ты сегодня так задержался?

А Каца не встретил никто. Его жена убежала на аэробiku и обеда ему не оставила. Так что он, не солоно хлебавши, включил телевизор и стал смотреть передачу Андрея Макаревича «Смак».

На Олимпе же всё шло своим чередом. В приёмной в ожидании авторского свидетельства сидел Дедал.

– Свидетельство ты, конечно, получишь, – говорил ему Влас Тимофеевич, – но поверь – лучше бы ты его не получал.

Дедал не поверил.

Эдип, сидя в уголке, холил и лелеял свои комплексы. Медея, нервно сжимая пальцы, готовила мечь Пелию. Гектор мучительно думал, является ли он, троянец, греком. Фетида, держа сына за пятку, заранее оплакивала его. Марсий тихонько наигрывал на своей флейте.

– Ты завязывай с этим делом, – сказал ему Сила, – неровён час, Аполлон заглянет.

Словом, шла обычная скучная жизнь.

– Знаешь, – вдруг сказал Влас, – а ведь я вчера в театр ходил.

– Да ну? – удивился Сила. – И что смотрел?

– Толстого пьесу. «Власть тьмы».

– Власть – мы! – помолчав, поправил Сила.

Послесловие

Прошли века. Прометей, которому надоело каждый день пить боржом и лечить свою печёнку, решил открыть Зевесу Кроничу страшную тайну, из-за которой его на Кавказ отправили. Вся фишка была в том, что Зевес не должен был жениться на Фетиде. Только и всего! Как часто бывает, страшные тайны при ближайшем

рассмотрении оказываются ничтожными. К этому времени Зевесова женилка уже давно закончилась, так что этот вопрос был для него уже не актуален. И отпустил он несчастного на все четыре стороны. Впрочем, дурень Прометей сам виноват. Шепнул бы он вечность назад шефу одно словечко, да и пошёл бы себе домой, выпил-закусил и хлопот никаких не знал бы. А так столько времени на Кавказе без толку проторчал.

Шурик давно ушёл из жизни. А куда ушёл, никто не знает. Но, судя по всему, ему на Олимпе местечко приготовили.

А Евдокимов с Кацем живы по сей день. И будут живы, пока жива Россия. И ни Израиль, ни Америка, ни Германия помешать этому не смогут.

Март 2006